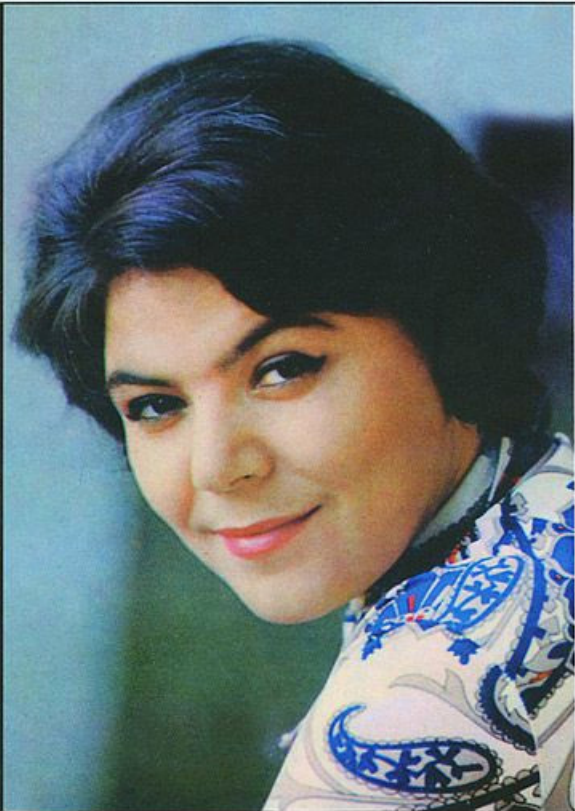

МАЙЯ КРИСТАЛИНСКАЯ

ПЕСНИ, ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ

Ильина

ДЕКОМ

Анисим Абрамович Гиммерверт
Майя Кристалинская:
песни, друзья и недруги
Серия «Имена (Деком)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8049717

*Майя Кристалинская: песни, друзья и недруги. Документальный роман. / А.А. Гиммерверт: Деком; Нижний Новгород; 2013
ISBN 978-5-89533-301-3*

Аннотация

Майя Кристалинская – легенда советской эстрады. Ее песни продолжают звучать, хотя певицы не стало в 1985 году, выходят ее диски, посвященные ей фильмы и передачи. Однако даже поклонники Кристалинской немного знают о ней – она была скромна и никогда не афишировала подробностей своей личной жизни.

Историю Майи Кристалинской, ее жизни, нелегкой и во многом трагичной, совсем не похожей на жизнь звезды, рассказывает писатель и журналист, знаток ретроэстрады Анисим Гиммерверт.

Содержание

От автора	5
Глава первая	13
1. Знаменитый дом знаменитостей	13
2. Тетя Лиля из Самары	17
3. Его судьба – головоломка	21
4. Второе призвание Лили Кристалинской	33
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Анисим Гиммерверт
Майя Кристалинская:
песни, друзья и недруги**

«И всё сбылось, и не сбылось...»

От автора

Город обжигала жара, нещадно и каждодневно, испаряя последние капли влаги, оставшиеся после многоводной весны; жару нагоняли ветры, именуемые антициклоном, они разрывали в клочья повисшие было над городом облака, и те трусливо уплывали за тридевять земель. В конце дня город тонул в душном вечернем мареве. А на завтра начиналось все то, что было вчера, позавчера, неделю, месяц назад и чему, казалось, не будет конца. Сводки погоды слушали так, как в войну сводки Совинформбюро.

Песня спета. Спасибо за ваши овалы. Майя счастлива

Я сидел в переполненном читальном зале одной из московских библиотек, не замечая жары, потому что усердно перелистывал подшивки старых журналов и газет, где с каждой нужной мне страницы смотрело милое лицо с застывшей улыбкой, с четко обозначенными ямочками на щеках – Майя Кристалинская. Вот анфас, вот в профиль, вот она с пластинками, а вот с друзьями, с любимым пуделем Муром, прическа – ровная стрижка или «бабетта», но особого разнообразия в прическах не было, в costume – тоже, на черно-белых фотографиях он казался одним и тем же, одного фасона, одного стиля и с одной и той же деталью – косынкой вокруг шеи. О косынке Кристалинской ходили легенды. Этот атрибут одежды оставался всегда и уже никого не удивлял – значит, такой у певицы вкус, имеет же она право на свой «имидж»; но особо любознательные не верили, а пытались узнать истину и, видимо, преуспели в этом – по Москве пополз слух, что у Кристалинской якобы на шее большое темное пятно.

Откуда оно взялось – никто не знал.

Ее лицо мелькало и исчезало среди строк, и отрываться от него, чтобы читать статью дальше, не хотелось. На фотографиях был живой человек – пусть с ним нельзя разговаривать, дотронуться, но он – живой, вот только равнодушный фотообъектив остановил его движение в какой-то момент. А

в статьях этого не было – критики, правда, еще могли что-то подметить, могли посоветовать, похвалить и очень редко – поругать, а вот журналисты, не скупясь на превосходную степень, были однообразны, особенно в интервью – одни и те же вопросы, одни и те же ответы. С неизменными пожеланиями читателям. Будто существовало где-то предлагаемое журналистам одно клише, вот только названия газет менялись.

Сквозь стекла в окно просачивался зной, а когда через несколько часов я вышел на Страстной, тот жарко дышал перегаром бензина и разогретого асфальта, который становился под ногами отутюженным торфяником.

Впереди темнела арка метро, спасительного в жару и мороз. Я спустился вниз, прошел по платформе и сел на скамью.

И в ту же секунду я услышал тихий женский голос:

– Простите, пожалуйста, вы не подскажете, как проехать к Александровскому саду?

Возле меня стояла девушка, я не сразу взглянул на ее лицо, так, что-то общее – серенький костюмчик, сумка через плечо, в меру коротенькая юбочка, пухлый пакет с белозубой топ-моделью и стеснительность в голосе, свойственная провинциалкам.

– До Александровского сада? Очень просто...

Я взглянул в ее лицо... Наваждение, что ли? Передо мной стояла юная Майя Кристалинская... Десятиклассница...

Ну да, жара, в голове – фантазмагория из газетно-журнальных снимков, вот и привиделось то, что невероятно, померещившееся сходство – продукт воспаленного мозга, одно лицо отпечталось в голове, и теперь ему подобным могут оказаться и другие лица, если не всматриваться в них.

Но я все же не ошибся. Еще раз взглянув на нее, понял, что невероятное не привиделось, не пришло с небес и я не схожу с ума, как бывает, когда из-за перегрузки наше воображение может выкинуть все, что угодно.

И тут я понял, что копия совсем не похожа на оригинал. Черты совпадали, но вот глаза... Как и у Майи, они были большими, серо-зелеными и так же широко распахнуты, вот только... пустые. Они ни о чем не говорили, а ведь глазами человек может выразить даже больше, чем голосом. И правильно они считаются зеркалом души. Недаром это выражение стало таким расхожим.

Фотографии Кристалинской – это прежде всего ее глаза, а не позы, не красивые повороты головы, анфас или в профиль. На фотографиях улыбаются чаще всего губами. «Внимание, сейчас вылетит птичка, смотрите на меня, улыбочку!» – весело требовали когда-то фотографы. И улыбки мгновенно озаряли губы. Но только – губы.

Кристалинская, если улыбалась, всегда улыбалась глазами. Она могла быть серьезно-молчаливой – и серьезность отражалась в ее глазах. Могла быть печальной – и такими же становились глаза. А когда губы растягивались в широкую

улыбку, в глазах появлялась легкая игривость и немного кокетства.

Проницательные критики, знатоки эстрады, выдавшие на своем веку немало эффектных див, знавшие наизусть их многочисленные маленькие хитрости, сулившие успех, терялись, когда писали о Кристалинской, отчего и бывали скупы на строки, в которых острые наблюдения соседствовали бы с информацией к размышлению. Чего там писать, все же просто: да, хорошо поет, проникновенно поет, а голоса все равно нет, и жеста нет, прилипла к микрофону, а в него можно такое нашептать!

И не каждый давал себе труд задуматься: откуда же тогда такой шквальный успех, такая неподдельная любовь к этой бывшей студентке технического вуза, на концертах которой залы взрывались овацией, будто в руках у нее волшебная палочка, которой она заколдовала зал?

А правильнее сказать – околдовала, потому что взрывался он не аплодисментами, а овацией: слушателя не проведешь, маленькие хитрости способны вызвать аплодисменты, и это уже успех, но естественность и чистота рождают искренность, а искренность – единение зала, вот вам и истоки «волшебства» Кристалинской.

У Кристалинской было много поклонников и более всего поклонниц, ведь поклоняться звезде – удел более эмоциональной прекрасной половины. Все зависит от того, насколько женщина на сцене трогает именно женские сердца, уме-

ет затронуть своей, подчас невеселой, песней чуткие струны женских судеб.

Делала ли она себя? Нет, конечно. Зачем? Все имевшееся в ней дала природа, всевидящий Бог, который таланты раздает не столь уж щедро, но если уж на ком-нибудь остановится, то награждает щедро. Потрясающая – суперпрофессиональная! – музыкальность певицы, никогда не учившейся ни музыке, ни пению, не знавшей даже нотной грамоты, но никогда «мимо нот» не певшей. Песню, только что предложенную композитором – и не в виде листочков с клавиром, а наигранную на рояле и спетую стертым авторским голосом, могла Кристалинская тут же, без подсказки, воспроизвести, да так, что ошеломленный сочинитель считал, что создал нечто замечательное, шедевр, уже готовый к записи.

Но ничего этого не знали залы, и тысячи влюбленных в нее людей встречали певицу громовой овацией, еще не видя Кристалинской, а только услышав, что сейчас она будет петь, вот-вот выйдет, и все счастливо напрягались – ну, скорее выходи, Майя!

И она не торопясь, скромно, даже стеснительно появляется на сцене, и зал гремит, зал вот-вот встанет, и она улыбнется так, как могла улыбаться лишь Кристалинская. Ее тихая приветливость только подстегнет зал, и он будет греметь до тех пор, пока она не возьмет микрофон – и не скажет несколько первых слов...

Материалом для книги послужили примерно пять десят-

ков встреч с людьми, знавшими Майю и имевшими непосредственное отношение к ее жизни и судьбе.

В книге не могло не отразиться время, в котором жила Кристалинская, она была его дитя – и его заложница. Это время проходило и на глазах автора; вполне возможно, что какие-то оценки не совпадут с восприятием тех читателей, что знают о нем не понаслышке. Но, надеюсь, они меня не осудят.

Глава первая

Здравствуй, столица Москва!

1. Знаменитый дом знаменитостей

Столичная Тверская ныне более других улиц Москвы пестрит опознавательными знаками новой эпохи. Улица Горького ушла в историю, вернув долг «потонувшей» было Тверской, – каждая новая формация устроена так, что предыдущая, канувшая в Лету, все же напоминает о себе: в городах – прежде всего зданиями, переданными по наследству другому времени. Так, послереволюционной Москве досталось все, чем богат был город до октябрьского переворота: дворянские и купеческие особняки. В двадцатых начала строиться «социалистическая» Москва, и появились дома эпохи конструктивизма, а за ними безликие коробки. Эта смесь вошла теперь в XXI век, наделив ту же Тверскую новыми гигантами, прилизав старые, вычистив их, придав им европейский вид. Замелькали в стеклах парящиеся в пробках иномарки и старенькие «Жигули», таблички с названиями улиц, на которые когда-то глазели приезжающие в Москву крестьянские дети с котомками, купцы в поддевках, барышни, сидящие в возках, и чиновный люд на рысаках. Во-

круг Тверской появились вновь забытые уже названия переулков: Старопименовский, Брюсов, Камергерский, а неподалеку от теперь уже официально названного, как раньше, «Елисеевского» – Глинищевский. В Москве середины двадцатого века этот переулок стал улицей, и присвоено ей было имя Немировича-Данченко, выдающегося сподвижника великого Станиславского. Он не только жил здесь несколько лет, но и внес большой вклад в его внешний вид.

Если пройти по Тверской, затем свернуть в Глинищевский и пройти несколько сот метров, то слева перед вами развернется дом-громадина в несколько подъездов. Дом – неприступная крепость с огромной аркой, откуда может выйти целый полк сразу, но куда войти было дано далеко не каждому смертному, судя по мемориальным доскам, по количеству которых он уступает разве что «Дому на набережной»; жили здесь народные артисты СССР, лауреаты, депутаты и прочие известные в Стране Советов люди:

Дом № 5/7 по Глинищевскому переулку

Алла Тарасова, Иван Москвин, Борис Смирнов, Ольга Книппер-Чехова, Михаил Кедров... Это МХАТ. А еще – Вера Марецкая, Иосиф Туманов, Сергей Юткевич. Здесь много лет жили Любовь Орлова и Григорий Александров. Первая доска была установлена в середине сороковых – и на ней имя самого «главного» жителя этого дома Владимира Ивановича Немировича-Данченко.

В домовых книгах можно прочесть и фамилию, которая, казалось бы, к театральному дому иметь отношение не должна, – Кристалинская. Нет, ни Майя Владимировна Кристалинская, ни ее отец, мать или сестра здесь никогда не жили.

Владимир Иванович Немирович-Данченко в свое время выбрал этот дом не только потому, что он был красив и удобен. Налево, за углом Глинищевского, находится длинное с будто нарисованными на фасаде колоннами здание музыкального театра, где всеми почитаемый режиссер, переехавший по соседству в Глинищевский, был богом. Вот с музыкальным театром и связана была жизнь не только Немировича-Данченко, но еще одной квартиры в доме № 5/7. Среди ее обитателей и была миловидная дама с фамилией Кристалинская. Дама – потому что женщин этого дома гражданками или товарищами называть было неудобно. Она не была коренной москвичкой и приехала в Москву из крупного города на Волге, который недавно стал называться Куйбышевом.

2. Тетя Лиля из Самары

Летом из раскрытых окон одного из самарских особняков на Николаевской улице можно часто было услышать доносившуюся музыку или мелодию популярных романсов: «Отцвели уж давно хризантемы в саду...» или «Уж только вечер затеплится синий...» Прохожие останавливаются, слушают, аплодируют. Некоторые приходят специально, зная, что в этом доме живет с семьей известный самарский аптекарь, меломан и меценат Илья Семенович Кристалинский с женой и пятью одаренными дочерьми.

После октябрьского переворота, лишившись в одночасье и аптеки, и всего нажитого имущества, осознав, что скоро придет и его черед отправляться в самарскую тюрьму, Илья Семенович, посадив свое семейство на поезд Самара – Москва, отбыл в новоявленную столицу.

Пять девочек в его семье росли теперь не в особняке, а в двух комнатках коммунальной квартиры в полуподвале на Домниковке; что ж, и это кому-то из «бывших» могло теперь показаться роскошью.

Нетрудно догадаться, что одна из них, Лилия, волею судьбы и оказалась в театральном доме в Глинищевском.

После школы она поступила в ЦЕТЕТИС – Центральный техникум театрального искусства, на музыкальное отделение. Лилия считала, что в актрисы драматического театра она

совершенно не годится и незачем ломать свою музыкальную природу. Голос у нее есть, хотя и небольшой, но приятный, и совсем необязательно петь главные партии, вторые или третьи тоже хороши. У будущих героинь Лили тоже будут арии, дуэты и даже сцены, и без аплодисментов она не останется.

Итак, в жизни Лили начался долгий период везения.

Во-первых, одним из ее педагогов по актерскому мастерству была Серафима Бирман, актриса Художественного театра, которую сам Станиславский стерег от поползновений других театров, спешивших переманить к себе этот артистический бриллиант, что ему с трудом удавалось. По оперной части Лилю обучал Леонид Баратов, знавший музыкальный театр так, как его в те годы не знал никто. Техникум стал для него вроде плаца, где он муштровал будущее воинство для грядущих оперно-театральных сражений.

А во-вторых (скорее всего, во-первых), в техникуме она познакомилась с Павликом Гольдбергом, не только будущим режиссером, но и будущим мужем. Павлик взял себе звучный псевдоним Златогоров, ставший в конце концов его фамилией, которая тридцать лет не сходила с афиш Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, где после окончания ЦЕТЕТИСа пела и его жена Лиля Кристаллинская. В партиях второго плана были и арии, и дуэты, и сцены, и Лиля легко срывала аплодисменты, ей даже подносили цветы (вот аплодисментов и цветов из двух Кристаллинских намного больше все же досталось младшей, Майе,

чему тетя Лиля никогда не завидовала, а, наоборот, только радовалась за свою Майечку).

Вот так в доме № 5/7 по Глинищевекому переулку, мощным видом своим говорившем о незыблемости и величии советского театрального искусства, появилась в конце тридцатых годов вместе с мхатовскими звездами никому не известная молодая чета Златогоровых.

В тридцатых годах об этом можно было только мечтать. В новую квартиру Паша Златогоров и Лилия Кристалинская въехали одними из первых в доме. Паша стал главным помощником Владимира Ивановича Немировича-Данченко, инициатора строительства дома. Постепенно квартира обрела уют, а вместе с ней – многочисленных гостей, отдающих должное этому уюту, любивших посидеть за длинным, широким столом до позднего вечера, а то и до ночи, когда на Пушкинской переставал шуршать троллейбус; в Москве еще не было нынешних «спальных» районов, гости все жили неподалеку и служили одной музе – Мельпомене. Одно из пристанищ богини было за углом, и после окончания спектакля друзья, сняв грим, шли к Златогоровым на чашку чая и рюмку водки – без нее актеру, оставившему эмоции на сцене, никак не обойтись, – а уж потом, вдоволь насытившись пересудами, анекдотами и байками, потихоньку расползались по Москве, награждая комплиментами и благодарностью за вкуснейший ужин любезную хозяйку.

Хозяин же дома, приглашенный Владимиром Ивановичем

чем в свой театр сначала очередным режиссером, быстро пошел в гору: он участвовал в постановках «Корневильских колоколов» и «Периколы», спектакли эти оказались долгожителями, делали честь театру и давали полные сборы. Имя Златогорова часто появлялось на афишах премьер – чего стоит один только оперный «бестселлер» «В бурю». Златогоров стал заслуженным, а это звание в те годы получить было, пожалуй, сложнее, чем в конце восьмидесятых – народного артиста СССР.

3. Его судьба – головоломка

В длинном коридоре издательства «Правда» часто появлялся невысокий, уже немолодой человек в очках с толстыми стеклами; как всегда, он шел медленно, даже не шел, а скорее продвигался, в руках был старый кожаный портфель, в очках блестели толстые стекла, какие обычно бывают у плохо видящих людей. Иногда кто-нибудь его сопровождал, чаще всего это была женщина одних с ним лет и одного роста, и он говорил ей тихо, подойдя к одной из многочисленных дверей с табличками, выходящих в коридор: «Валя, нам сюда».

Он и впрямь был почти слепым. Но все же что-то видел, ровно настолько, чтобы ходить без палочки и чаще всего без поводыря, и, приходя один, безошибочно останавливался у нужной двери. Это была одна из комнат редакции газеты «Пионерская правда», или попросту – «Пионерки», Здесь его ждали, а когда он входил, усаживали за какой-нибудь свободный стол, наливали чаю в граненый стакан или кружку. А он доставал из портфеля листки с аккуратно нарисованными кружками, квадратиками, цифрами или незатейливыми рисунками, сделанными несколькими штрихами; внизу на каждой листке была подпись: «Автор – Владимир Кристалинский».

Владимир Григорьевич Кристалинский был человеком застенчивым, улыбчивым, говорил негромко, но живо и про-

сто, без всякого желания произвести впечатление – чем интеллигентней человек, тем скромнее он держится, а интеллигентность угадывалась в нем с первого же слова, с первого взгляда; такие люди, как он, сами того не замечая, да и не желая, производят сильное впечатление, от них ожидают чего-то интересного и необычного, а тут еще человек-то почти незрячий, и приносит не что иное, как... головоломки! С первого же его прихода в редакцию оказалось, что на них он большой мастер: попробуйте придумайте сами хоть одну – не выйдет, на это особый талант нужен, а он приносит не одну-две головоломки или загадки в рисунках, а десяток – пожалуйста, выбирайте, сколько нужно, мне кажется, ребятам это будет интересно. Я их вот дочке показывал, Майе, она их решила, и, представьте, не сразу, хотя девочка она сообразительная. Это было как разрешение к печати: Майя одобрила.

О Майе он всегда говорил с большой нежностью, свойственной далеко не всем отцам, любовь к ней так и сквозила в этих словах, и редакционные дамы, слушая его, не прятали улыбок.

Головоломки Кристалинского ложились на свежую полосу. Без преувеличения, их решала вся страна, точнее, вся детская ее часть, выписывающая «Пионерку» или штудирующая ее в школе, когда в семье не находилось денег на подписку. И если в номере придумки Кристалинского отсутствовали, читатели были разочарованы. Где еще было взять эти увлекательные упражнения для гимнастики ума, эти ин-

тересные задачи детям сороковых и пятидесятых годов, как не в «Пионерской правде»?

Прошло много лет, и однажды в «Пионерке» появился молодой солдат, возвращавшийся из армии через Москву в родное село где-то в глубинке; пришел, как приходят обычно благодарные читатели, чтобы лично, а не в письме, которые, как утверждает молва, гуляющая по городам и весям, в редакциях бросают нераспечатанными в мусорный ящик (навет!), и молодой человек этот с искренностью, свойственной нашим дорогим провинциалам, говорил журналистам «Пионерки» самые добрые слова по поводу их детища и особенно благодарил автора раздела «Головоломки» Владимира Кристалинского. Из редакции незамедлительно последовал звонок Владимиру Григорьевичу. И на следующий день Кристалинский, человек отзывчивый и не менее, чем молодой читатель, благодарный, принес в редакцию в подарок ему пластинку, напетую его дочерью. Пластинки Майи уже относились тогда к числу дефицитных.

«Сочинение» головоломок и было профессией Владимира Григорьевича Кристалинского. Вообще таких профессий не бывает, а вот у него – была. Как ее можно назвать? «Головоломщик». Но у Владимира Григорьевича все же была профессия, и его успехи с головоломками следует отнести к ней: он назывался массовиком, а к этому слову обязательно прибавляли еще — «затейник». Массовик-затейник – профессия прошлого, времени, когда в жизнь усредненного советского

человека вошли и прочно осели дома отдыха, клубы, дворцы культуры и турбазы.

Обязанности у Владимира Григорьевича были другими – он был массовиком, предлагающим игры, но не в домах отдыха, а в домах пионеров. И только те игры, в которых требовалась смекалка. Эти игры он придумывал сам, а затем относил в издательство. В их числе были и головоломки.

Маленькая голубенькая книжица, на обложке – заглавие: «Шутки-минутки». Мальчик в желтой рубашке с бантом и в цилиндре – может быть, это начинающий массовик-затейник – держит в руках карточки, и на каждой – разделы этой книжечки: на одной – «Фокусы», на другой – «Игры», на третьей – «Загадки». Собственно говоря, это даже не книжечка в обычном ее понимании, а вложенные в обложку карточки и маленькая брошюрка, объясняющая правила игры. На брошюрке надпись:

«В. Кристалинский. ШУТКИ-МИНУТКИ.

Набор фокусов и головоломок для детей 8–14 лет.

Издательство «Детский мир» Министерства культуры РСФСР Москва 1958 год».

«Игра состоит из 16 карточек с загадочными картинками, ребусами и другими затеями. Решив их, вы можете при помощи этих карточек демонстрировать вашим товарищам ряд занимательных фокусов, головоломок, шуток, описание которых здесь дано».

Сегодня вы ничего подобного не найдете ни в книжном

магазине, ни в том же «Детском мире» в Москве на Лубянке...

Владимир Григорьевич Кристалинский состоял массовиком при ВОСе – Всероссийском обществе слепых. Слабовидящие тоже были восовцами, общество не делало различия между ними и абсолютно слепыми, помогало и тем и другим. Кристалинский выполнял заказы, которые ему предлагали, а вот придумывание игр для «Детского мира» и работа в «Пионерке» к ВОСу никакого отношения не имели. Они были любимым занятием.

Говорят, талантливый человек во всем талантлив. Владимир Григорьевич Кристалинский являл собой убедительный пример правоты этого наблюдения. У него был абсолютный слух; не будучи музыкантом – ни дилетантом, ни любителем, – он превосходно знал оперу и мог имитировать несколько языков – татарский, арабский, турецкий, японский, английский, не зная их, разумеется. И тому же был отцом двух очаровательных девочек, из которых одна унаследовала от него доброту, музыкальный слух и музыкальную память, другая – прямооту и независимость.

В тот год, когда он впервые появился в коридорах «Правды», ему было около пятидесяти.

Родился Владимир Григорьевич Кристалинский в Могилеве, его отец был родным братом Ильи Семеновича (братья Кристалинские свою фамилию писали с одним «л», так шло от их деда, а вот почему тот стал писать одно, никто

не знал, скорее всего, из-за ошибки полуграмотного паспортиста). Тогда никто и предвидеть не мог, что фамилия станет громкой и ее знаменитой носительнице не раз придется объяснять, почему из двух обязательных «л» одно выпало, и предостерегать устроителей концертов от искажений в афишах. Вот только Григорий не так преуспел в жизни, как брат из Самары. Неистощимый на выдумки, его сын был человеком немногословным, о себе рассказывать не любил и мало кому рассказывал о своей семье и жизни. Да и сам Владимир Григорьевич был человеком неприхотливым, что сказывалось и в еде, и в одежде, и в полном отсутствии потребности в каких-то особых жизненных благах; пусть коммуналка, и пусть комнатка на Новорязанской настолько мала, что впору только одному человеку, а их долгое время было трое, потом, когда родилась вторая дочь, стало четверо. Настанет время, когда из таких клетушек начнут переезжать в пяти этажки, но он не ходил, не просил и не требовал.

В Могилеве, куда отец его вместе с семьей перебрался из местечка на окраине губернии, он учился в реальном училище. Мальчик, от природы явно одаренный, тянулся не к латыни, не к греческому, а к математике, черчению, физике, поэтому он и выбрал реальное училище; это было накануне революции. Черта оседлости постепенно стиралась, хотя и не была высочайше отменена. Как он учился, можно только предполагать, возможно, и средне: одаренные дети не всегда в ладах с теми дисциплинами, которые не любят, а тут еще

начались нелады со зрением, так что об ученическом усердии говорить не приходилось.

После революции, в начале двадцатых, он оказался в Саратове. И вот там встретился с премиленькой белокурой девушкой по имени Валя; но это нежное имя никак не соответствовало ее крепкому характеру, быстроте и ловкости, с которыми она делала все, за что бы ни бралась. Недаром она была сибирячкой, приехала из Павлодара. Поженившись, они едут в Москву. Не только поиски столичного счастья гнали новоиспеченную семью в столицу; в конце концов и в провинции можно было как-то устроиться. Володю Кристаллинского влекло учебное заведение, открывшееся только благодаря революции, со сложной аббревиатурой ВХУТЕМАС. Во всем мире не было ничего подобного ему; сюда хлынули любящие технику, живопись, скульптуру, архитектуру молодые гении, требующие новых революционных форм вместо надоевших старых. ВХУТЕМАС – Высшие художественно-технические мастерские.

В мастерских был художественно-конструкторский факультет, и Володя Кристаллинский становится его слушателем. В центре Москвы, в Бобровом переулке на Мясницкой, в ветхом помещении, где от нервических шагов яростных ниспровергателей искусства прошлого скрипят старые доски, шли несмолкаемые диспуты, умолкавшие только тогда, когда речь держал мэтр, человек, идущий в авангарде революционного искусства. Но со временем ВХУТЕМАС исчез-

нет от зубодробительного удара всепобеждающего социалистического реализма.

В диспутах Кристалинский не участвовал. Он учился всему, чему можно было учиться, не забывая о необходимости зарабатывать на хлеб для своей маленькой семьи.

Его жена, далекая от проблем современного искусства, женщина не очень-то грамотная (она росла в деревне, отец ее был лесником), считала мужа человеком гениальным, а значит – исключительным, и оберегала от малоприятных житейских забот. В комнатухе вскоре их стало трое – родилась дочка. Девочек, рожденных в мае, часто называют Майями, несмотря на предубеждение суеверных, что из-за этого имени они всю жизнь будут маяться. А может быть, они правы? Во всяком случае это имя редко дают в другие месяцы года. За девочкой ласково и деловито ухаживала мать и с немужской нежностью – отец. Ему казалось, что их московская жизнь набирает обороты – вот появился ребенок, забот прибавилось, сквозь рассеявшийся пороховой дым революции засветило солнце, как вдруг среди ясного неба прогремел гром – первый в жизни Владимира и Валентины Кристалинских. Двухлетняя дочь простудилась, заболела воспалением легких – болезнь по тем временам грозная, – и через несколько дней ее не стало.

Это имя долго с непроходящей болью повторял про себя ошарашенный отец, и ему казалось, что нет на свете имени светлее, чем Майя, роднее, чем Майя, оттого и горше – по-

тому что нет Майи...

Через несколько лет, в ветреный, студеный зимний день, когда до весеннего мая было еще далеко, в семье Кристаллинских вновь родилась девочка. У отца не было никаких сомнений в том, какое имя дать ребенку: конечно же, Майя, Майечка, как же иначе? Это было 24 февраля 1932 года. Нелегким оказался тот год, голодным. Детей больше умирало, чем рождалось. Но появлялось на свет будущее поколение шестидесятников. Поколение, которому суждены были благие порывы, увы, нереализованные.

Во время войны трое Кристаллинских с Новорязанской улицы были в числе сильно поуменьшившегося числа горожан, оставшихся в Москве, несмотря на плохие вести с фронта и октябрьскую панику 1941 года, когда немцы, пролетая над городом, разбрасывали листовки с твердым обещанием, что через день-другой Москва будет взята, сомнений в этом никаких нет, как и в победоносном для немецкой армии исходе войны в ближайшее время. Листовки оказались страшнее бомб, им поверили, и те, кто обезумел от страха, бросились на вокзалы восточного направления, осаждая пульмановские вагоны стоявших на путях поездов и теплушки с нарами. Пережившие этот день, оставшиеся в Москве, напоминали тяжелобольного, перешагнувшего кризис. Больше немецких листовок не было, Москва оказалась немцам не по зубам, но налеты не прекращались; так было и той осенью, и зимой, и в следующую весну. По самолетам

палили зенитки, да так, что те очень быстро улетали.

Внешне жизнь в комнатке на Новорязанской мало чем отличалась от довоенной – все так же на работу уходил отец, все так же в магазинах пропадала Валентина Яковлевна. Но на столе было скудно, хлебный паек часто урезали; окна были заклеены полосками бумаги крест-накрест, да и в школу Майя не ходила – в сорок первом, осенью и зимой, и весной сорок второго московские школы были закрыты.

Во время налетов мать и дочь редко спускались в бомбоубежище, которое располагалось в подвале их крепкого, массивного, построенного еще до революции дома. Они были уверены, что никакой фугас его не прошьет. Валентина Яковлевна, не обращая внимания на сигналы воздушной тревоги, продолжала хлопотать на опустевшей кухне, а Майя... вязала.

Кто-то научил ее – возможно, мать, возможно, соседка, – и, когда все стало получаться быстро и хорошо, вязанием Майя заболела. Теперь она могла сидеть за работой часами, спицы в ее руках порхали, серый клубок грубой лохматой шерсти, больше похожий на пеньковую бечевку, таял, прыгая на полу, колол пальцы, и к концу работы они распухали. И не свитера и кофты вязала Майя с таким упорством – их можно было бы обменять на хлеб или муку – а... носки, большие, мужские. Она аккуратно складывала их в стопку, и стопка быстро росла.

*Из рук выскользывали спицы,
Девчонке было девять лет,
А ей, голодной, снился, снился
Пайковый хлеб, тяжелый хлеб.
Вязала в комнатенке голой
Вблизи замерзшего окна.
Одoleвать тоску и голод
Учила девочку война.
И нить за нитью до обеда
Часы тянулись нележки.
И вновь для фронта, для Победы
Вязала девочка носки.
Порою до седьмого пота
Она трудилась – дотемна.
Какой нележкой работой
Пыталась девочка война...
И трудится она, чтоб лучше
Была другим судьба дана,
Чтобы других детей и внушек
Вовек не тронула война.*

Эти стихи были написаны спустя сорок лет после той первой и самой тяжелой военной зимы. Майя Кристалинская по-прежнему была увлечена вязанием. Говорят, оно успокаивает, и, если это так, Кристалинская не могла не выбрать для себя подобное лекарство. Правда, теперь это был не тяжкий труд, да и шерсть стала хорошего качества: Майя привозила ее из зарубежных поездок. И вязала свитера и кофты,

и снова не для себя, а для такой же девочки, какой она была в сорок первом, – племяннице Марьяне шел десятый год, Майя любила ее, как дочь, своих детей у нее не было. Страна в те годы переживала трудности, хотя и несоизмеримые с теми, военной поры. Детские свитера и кофты нужны были не меньше, чем шерстяные носки, в посылках уходившие на фронт: народ-победитель по-прежнему испытывал нужду в необходимом.

А стихи (автор назвал их «Девочка» и посвятил Майе Кристалинской) написаны хорошим русским поэтом Борисом Дубровиным. Вчитайтесь – речь в них идет, по существу, о маленьком подвиге ребенка, а о том, что его труд – подвиг, знали только мама и папа. С первых дней войны самым популярным призывом в тылу стали слова кумачового транспаранта, висевшего в заводских цехах, на улицах, в метро, магазинах, даже школах: «Все для фронта, все для Победы!», и девочка этот лозунг обратила для себя в тяжелую бабью работу. А еще она могла петь для раненых, знала много пионерских песен – их разучивали в школе на уроке пения, но вот на выступления в госпиталях она не просилась – у нее была своя работа и была своя норма: сделать как можно больше.

4. Второе призвание Лили Кристалинской

Лилия Ильинична никогда не носила никакого звания, но по части посиделок была истинно народной. В театре ценили не только ее умение спеть эпизод в спектакле, но и устроить домашнюю вечеринку. За это Кристалинскую и избрал народ единодушным голосованием на профсоюзном собрании в местном театре, доверив ей культмассовый сектор. И теперь Лилечка устраивала вечера для театрального люда и постоянно приглашала лучшего, на ее взгляд, из массовиков-затейников Москвы – Владимира Кристалинского с его шарадами, играми, головоломками. Ему отводилось две-три комнаты, и в каждой желающих развлечься ждал сюрприз: каждому по вкусу, а всем вместе – бесплатное удовольствие. Вскоре Владимир Григорьевич стал своим в театре на Пушкинской, и его не раз видели на спектаклях с маленькой дочкой Майечкой.

В квартире Златогорова – Кристалинской звано – незваные гости собирались часто, полон дом бывал и в красные дни календаря. А уж в дни рождения хозяев квартира ходила ходуном, цветами можно было устилать пол в двух комнатах и коридоре с кухней, листки с поздравительными стихами вывешивались на стенах. В обычные же вечера заглядывал кто-нибудь из завсегдаев.

В апреле 1943 года неожиданно скончался Немирович-Данченко. После похорон поминали его не в ресторане, что было невозможно из-за дороговизны, а в квартире № 45 дома в Глинищевском переулке. Можно только представить, какие невероятные хлопоты взяли на себя Павел Самойлович и Лилия Ильинична! Полуголодная Москва, где каждый грамм хлеба, масла, сахара, да и всего остального из «минимальной продуктовой корзины» был по карточкам. А водка? А как усадить людей в небольшой по габаритам квартире, заставленной мебелью? Ожидалось человек сорок. Но хозяйка по опыту знала: ждешь сорок, придут пятьдесят. Так оно и вышло.

Мебель была срочно выдворена на лестничную площадку, столы расставлены и накрыты в двух комнатах, на них появилась откуда-то великолепная закуска – колбаса и сыр, которых москвичи не видели с довоенных времен. Нелегко было Лилечке, она ждала ребенка, что было уже куда как заметно. Водки оказалось мало, и было решено обменять хлеб на спирт, Лиля собрала карточки, отоварилась в бывшей филипповской булочной, за углом, и с буханками в авоське пошла в «Елисеевский», возле которого сновали менялы. Однако не все оказалось так просто. По дороге ее задержал военный патруль: буханки вызвали подозрение. Бедную Лилю повели на допрос, но там, заметив ее не совсем стандартную фигуру, все же сжалились. А когда она объяснила, что собирается менять хлеб на спирт для поминок по Немирови-

чу-Данченко, о кончине которого знала вся Москва, солдаты патруля прониклись к ней уважением и не только отпустили, но помогли обзавестись спиртом, а потом отрядили красноармейца, который донес сумку со звякающими бутылками до самой квартиры.

После поминок Павел Александрович Марков, режиссер и театральный критик, пошутил: «Ну, вы, Лилечка, наш Христос. Одним хлебом всех напоили».

Владимир Григорьевич Кристалинский при всей своей общительности в друзья никому и никогда не набивался, в мужских сходках на предмет возлияний и бесед о футболе, женщинах не участвовал, но знакомые к нему тянулись. Привлекала некоторая его загадочность, связанная не только с профессией, но и с независимыми суждениями на любую тему, будь то театр, книги, живопись, музыка или просто свалившиеся на чью-то голову проблемы.

В тот вечер он шел по переулку, держа за руку дочку Майю. Она была в потертом пальтишке, с кроличьим воротником и белой шапочке с длинными, болтающимися, как тесемки, ушками, из-под шапки виднелась темная ровная челка.

А в квартире на седьмом этаже их ждало тепло, чай с бутербродами – густо намазанный маслом хлеб и ароматная колбаса, в те годы ее покупали только к празднику. И еще ждала музыка. В доме были и другие гости, кто-то садился за пианино и пел, кто-то просто играл. На окно напоздали

сумерки, в комнате загорался свет в оранжевом куполе абажура, и она дышала уютом, частью которого была музыка. Майя забивалась в угол большого кожаного дивана и очень огорчалась, когда пианино вдруг становилось немым.

Вот так в доме тети Лили Майя Кристалинская неожиданно открыла для себя мир, который оказался безграничным. Черный диск на стене в их комнатухе на Новорязанской, говоривший человеческим голосом, иногда пел песенки, их Майя с восторгом слушала – «Мы едем, едем, едем в далекие края...» Или совсем грустную песенку про дедушку Ленина – «Он взял бы нас на колени и ласково бы спросил: «Ну как вы живете, дети?»» Таких песен было немного, Майя знала их наизусть, они – понятные. Однако, оказывается, музыка может быть и другой, веселой и серьезной, но, чтобы ее понять, нужно подрасти. А произойдет это не скоро. Майе всего шесть лет, но ее тянет, тянет к пианино, – когда оно молчит, к нему можно подойти и нажать на клавиши, и пианино тут же отзовется.

Так обычно поступают дети, потому что пианино для них – та же игрушка. Для Майи же оно было большой волшебной шкатулкой, где пряталось много звуков. И каждый раз, приходя к тете Лиле, она садилась на диван в самом его углу и не сводила глаз с черно-белых клавиш, по которым порхали чьи-то пальцы, а когда кто-то пел взрослые, незнакомые мелодии, вся превращалась в слух. На нее никто не обращал внимания, тетя Лиля большей частью находилась на кухне,

а вот дядя Паша нет-нет да и бросал внимательные взгляды на темноволосую девочку, очень похожую на своего папу, с большими серьезными глазами. Может быть, это маленький Моцарт в девичьем обличье? Вряд ли. Женщины редко пишут музыку, но вот талантом превосходных исполнительниц их Бог не обделил.

Не только хорошим режиссером, но еще и добрейшим человеком был дядя Паша. И он сделал то, что могла себе позволить далеко не каждая семья, где подрастал музыкально одаренный ребенок. Он купил детскую гармошку. Когда в очередной раз отец и дочь Кристалинские пожаловали в гости, дядя Паша вручил ее растерявшейся от счастья Майе.

– Паша, Паша, но с какой стати? – пробормотал изумленный Владимир Григорьевич. – Ты с ума сошел!

– Нет, не сошел, Володенька. Мне кажется, что твоей дочери она пригодится. Считай, что это для нее как приглашение к музыке. А там посмотрим.

И теперь у себя дома Майя могла извлекать из этой расписной гармошки с планками, как у настоящей, звуки, складывать их в мелодии, слышанные по радио, и, к собственной радости, обнаружить, что мелодии под ее пальцами напоминали уже знакомые. Майю никто не учил, никто ничего не мог подсказать, ни отец, ни мать, ни соседи, ни их дети. Родители только удивлялись способности дочери терпеливо растягивать гармошку, неустанно перебирая пальчиками.

И уже перед сияющими дядей Пашей и тетей Лилей Майя

наигрывала на гармошке всё, что ей удалось выудить из нее, а гости, если они были, бурно аплодировали и наперебой советовали непременно повести Майечку в театр, пусть талантливый ребенок послушает настоящую музыку, оркестр, хор. Как заметил шутник Владимир Канделаки¹, тогда ее репертуар значительно разнообразится.

Но в театр Майя попала позднее, когда стала постарше. Своей «Синей птицы» – «вечнозеленого» спектакля в Художественном, где зал становится детской площадкой аж с 1912 года по сей день, – в театре Немировича-Данченко не было, да и вообще детские спектакли мэтр не ставил. Поэтому Майя открыла для себя театр уже «взрослым» спектаклем, да еще слегка фривольным, – «Дочь Анго». Правда, фривольности ребенок, естественно, не понял, здесь можно было посмеяться и гротесковыми персонажами, да и сюжет был несложен и девочке восьми лет вполне доступен. Но главное достоинство спектакля состояло в другом – в нем участвовала тетя Лиля! В роли, которую Майя запомнила сразу: тетя была Герсильей. И когда она появилась на сцене в капоре и длинном платье с передником – она играла базарную торговку, – Майя узнала ее и захлопала в ладоши. Ей хотелось хлопать еще и еще, но залу до тети Лили не было никакого дела, и папа, сидевший рядом, тоже не хлопал. Когда же после спектакля все артисты вышли на сцену и вместе

¹ Канделаки Владимир Аркадьевич (1908–1994) – певец, народный артист СССР.

с ними – тетья Лиля, зал аплодировал стоя, и Майя старалась изо всех сил.

А музыку такую она никогда раньше не слышала, музыка показалась ей очень веселой, может быть, потому, что в зале все весело смеялись хитростям поэта Анжа Питу и цветочницы Клеретты, и одновременно, казалось, смеялась и музыка.

Майю поразило театр, ей нравилось сидеть в ложе, в кресле с бархатной обивкой и смотреть на сцену – та была рядом, и оттуда исходил какой-то незнакомый запах. Майя еще не знала, что у всех театров один запах – столярного клея, красок и старого дерева, а еще в разгоряченный дыханием сотен зрителей зал со сцены стелется легкий холодок. Но самым главным для нее была музыка, в театре она оказалась живой, не то что в черном кругляшке на стене у них дома; в театре музыка рождается, живет, взлетает чуть ли не до погасшей люстры. Артисты тоже были живыми людьми, не то что в кино, и пели красивыми сильными голосами, вот только понять, о чем они пели, Майя не могла. Все любовь да любовь.

Потом наступила долгая пауза, слушать в театре ребенку было нечего, нужно было еще подрасти, а уж тогда... Через три года это упоение театром приняло стойкий характер.

Пришлось оно на войну, когда зимой сорок третьего, в мороз, глядящий по лицу жгучей ладонью, она быстро шла, почти бежала по Басманной, отогревалась в метро, потом, выскочив на улицу, бежала по Пушкинской – трамваи были

редки – и влетала в холодный театральный вестибюль, где ее встречал дядя Паша и вел в фойе. В зрительном зале было теплее, она садилась в кресло – и начинался праздник. Он длился три часа, сопровождался музыкой Чайковского, Штрауса, Оффенбаха, Планкетта, Лекока. Майя была счастлива. А когда спектакль кончился, она шла к тете Лиле, и на столе с ее приходом мгновенно появлялись горячий чай и тоненькие бутерброды с сыром, припрятанным тетей для Майечки.

Так было в войну. Музыка для Майи становилась частью ее жизни, хотя и ограниченной всего одним театром. Но каким! Маленькая гармошка красовалась дома на видном месте как былой символ приобщения ребенка к музыке, а сам ребенок постепенно превращался в очаровательную девочку-подростка с двумя косичками-крендельком: такова была девичья мода во второй половине сороковых годов. Каждый спектакль на Пушкинской становился музыкой, которую она обожала, не Чайковского («Евгения Онегина» она слушала несколько раз), не Штрауса и не Миллэкера, а музыкой вообще, в звуках которой можно долго плыть, не ища причала.

Мелодии, услышанные тогда, вспоминались неожиданно через много лет (да разве можно их забыть, эти мелодии, услышав хотя бы раз, особенно при феноменальной музыкальной памяти Майи!) – и становились напоминанием о том времени, когда будущая эстрадная певица проходила свою консерваторию, где получала образование не по части вока-

ла; как полагается в высшем музыкальном учебном заведении, а по части постижения безупречного музыкального вкуса.

Будем считать, что с оперы и начался путь Майи Кристалинской на эстраду. Театр она полюбила самозабвенно, некоторые спектакли смотрела по нескольку раз. Но не сюжет ее волновал, а музыка – арии, дуэты, эффектные музыкальные сцены.

В театре тети Лили и дяди Паши Майя бывала, когда выдавалась свободная от школы минута, но хотелось петь и самой. Молодые солисты со звонкими, упругими голосами манили ее: вот бы выйти на сцену, как они, чтобы тебя слушал переполненный зал. Но хватит ли у нее голоса, да и смелости – запросто ступить на авансцену, взглянуть на дирижера и по его взмаху запеть? Нет, лучше уж у себя дома, когда никого нет, встать в центре комнаты, закрыть глаза – и сразу же возникнет зрительный зал. И тогда тихо запеть, чтобы, не дай бог, не услышали соседи, не сказали бы маме, что Майка поет в одиночестве, и не песни, а какую-то «муть», уж не свихнулась ли? И мгновенно умолкнуть, когда хлопнет входная дверь в коридоре и войдет в комнату мама с сумкой, из которой непременно торчит буханка белого хлеба.

Театр Станиславского и Немировича-Данченко (так он зовется в просторечии – название таково, что уменьшить его никак нельзя) стал для Майи Кристалинской музыкальной альма-матер, с ним она не расставалась никогда, но, став из-

вестной эстрадной певицей, обремененной частыми гастролями, бывала в театре уже редко. В дни очередной премьеры у нее дома раздавались звонки, ей посылали официальные приглашения, и если она бывала в Москве, то обязательно приходила на спектакль. И когда, приехав с очередного концерта, в последнюю минуту спешила занять свое место в ложе, по залу шелестел легкий шепот: «Кристаллинская... Кристаллинская...» И на ее ложу, словно по команде, поворачивались все бинокли.

В феврале шестьдесят восьмого года Павел Самойлович Златогоров праздновал свой юбилей – шестьдесят лет. Театр имени двух корифеев чествовал его так, что его вполне можно было назвать третьим корифеем. Ученик Немировича-Данченко всегда точно следовал тому курсу, который был задан великим учителем. В честь Павла Самойловича в тот вечер шла поставленная им опера «Безродный зять». В первом ряду сидели композиторы во главе с автором – Тихоном Хренниковым. Зал, знавший аншлаги, на этот раз переживал супераншлаг. После спектакля юбиляра забросали цветами, началось чествование. Одной из первых на сцену поднялась Майя Кристаллинская. Расцеловав дядю Пашу, она подошла к микрофону. И сказала немного – Майя всегда была немногословна. Она вспомнила свое детство, довоенное время, когда впервые с отцом пришла в дом на улице Немировича-Данченко, гармошку, которую подарил ей дядя Паша. И сказала, что сегодня эта гармошка стала ее талисманом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.